

ПРИТЯЖЕНИЕ II

Екатерина Романова

Екатерина Романова

Притяжение II

«Издательские решения»

Романова Е.

Притяжение II / Е. Романова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839336-5

Пока Генри борется с демонами внезапно свалившегося прошлого, Амелия отчаянно ищет ответ на вопрос «Есть ли жизнь после предательства?» Но, невзирая на доводы рассудка, притяжение неизбежно сводит их вместе. Какова цена прощения и все ли таково, каким кажется? Это заключительная книга дилогии.

ISBN 978-5-44-839336-5

© Романова Е.
© Издательские решения

Притяжение II

Екатерина Романова

Дизайнер обложки Екатерина Романова

© Екатерина Романова, 2017

© Екатерина Романова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9336-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Да, – обладатель голоса в домофоне был явно удивлен. Девушка никого не ждала.

– Простите, мисс, но меня попросили доставить по этому адресу вещи и кошку. Спуститесь, пожалуйста.

– Кошку? – в голосе скепсис.

– Да, белую.

– Люсиль?! Сейчас буду.

Через минуту металлические двери подъезда распахнулись, и вышла белокурая девушка в наспех запахнутом халате.

– Сколько я вам должна?

– Ничего не нужно. Мисс уже заплатила. Надеюсь, у нее все хорошо? Выглядела она неважно. Много пила.

– Пила? Где она сейчас? – прижимая к себе покладистую Люсиль, спросила девушка.

– Не знаю. Я посадил ее на западном мосту и поехал, как она просила, к вам. Вещи передать. Извините, мисс, мне нужно на следующий заказ.

– Выпустил на мосту? В таком состоянии? Да у вас вообще мозги есть? – выругалась незнакомка и поспешила домой. Набрал номер подруги, наткнулась на автоответчик. Почти сразу раздался входящий звонок. – Амелия?

– Одри? – звонил мистер Эллингтон. Судя по голосу, он был расстроен и взволнован. – Мне нужно поговорить с Амелией.

– Что ты натворил, Эллингтон? Я не знаю, где она. Домой добрались кошка и чемодан. Все. Таксист посадил ее на западном мосту. Ты как хочешь, но, если хоть капля чего-то мужского в тебе есть, живо собирайся и едем ее искать. Клянусь, если с Амелией что-то случится!

– Я сам себе не прощу. Встретимся через 10 минут.

Еще никогда в жизни у нее так бешено не колотилось сердце. Страх потерять подругу, леденящий, ужасающий сковал все естество. Нет. Это не может кончиться так. Надев первое, что попало под руку, она юркнула в такси и, доплатив за срочность, на всей скорости кинулась к подруге. «Только бы успеть», – набатом стучало в голове. Глупая Амелия, глупая малышка. Ведь мы же все можем пережить. Вместе мы всемогущи, разве ты забыла? Вместе мы любому мужику нос утрем. Сотрем в порошок все преграды! Только дождись меня, сестричка!

Выскочив из такси, девушка оглянулась по сторонам. На мосту, разумеется, уже никого не было, кроме завывающего ветра и мистера Эллингтона, одиноко стоящего в свете фонаря.

– Амелия!!! – неистово кричал он, глядя в черноту бушующей реки. Девушка поспешила к нему. В руках мистера Эллингтона – шифоновый шарфик. Шарфик Амелии. Сердце оставилось.

– Что ты натворил, Эллингтон? – едва слышно прошептала она.

– Совершил самую большую ошибку в своей жизни, – ответил мертвецким голосом. Они оба безнадежно смотрели вниз. – Насколько хорошо она плавает?

– Имея папу адмирала? – прикинула Одри. – Как дельфин. Но упасть с такой высоты... Я вызываю спасателей.

– Будут с минуты на минуту.

К ним подоспел мужчина – Берnard.

– Ну?

– Ничего. Один прохожий видел, как она стояла здесь, на этом самом месте. Хотел позвонить в службу спасения, но когда вновь обернулся – ее уже не было.

– Значит, все же упала...

– Упала? А, может быть, спрыгнула? – закричала Одри. – Может быть из-за тебя, чертова кретина, она решила покончить жизнь самоубийством? Что ты сделал, Эллингтон? Что??? Она моя единственная подруга, моя сестра, моя жизнь, мое все!!! Господи. Миссис Уэйнрайт... Сильвия, она же этого не переживет, – девушка запустила руки в голову и мерила шагами мостовую. – Я убью тебя. Я сама тебя убью.

Она накинулась на мистера Эллингтона с кулаками, но тот не сопротивлялся. Он выглядел как живой мертвец: посиневшие губы, осунувшееся лицо, седина затронула не только виски, но и снегом припорошила верхнюю часть головы.

– Позже. Сначала мы должны найти ее, – мягко отстранив от себя беснующуюся Одри, отчеканил он. – Берnard, поднимай всех. Всех до единого. Отзывай со всех проектов, со всех постов. Мне нужен каждый человек. Прочешите каждый сантиметр чертовой округи, этого чертового дна, если понадобится – спустите всю воду из реки. Найдите мне ее. Верните мою Амелию.

– Я понял, мистер Эллингтон. Ехали бы вы домой. И вы, мисс Картер, езжайте домой. Здесь вы ничем не сможете помочь.

– Это мы еще посмотрим! – воскликнула Одри и закричала, что было мочи. – Амелия!!!! АМЕЛИЯ!!!!

– Так вы только сорвете голос, – Берnard попытался ее успокоить, но откуда только берется сила, когда происходят великие потрясения? Она отшвырнула его от себя и, сквозь льющисся слезы выкрикивала до хрипоты одно и то же имя. – Амелия....

* * *

Вода распрямила мои кудряшки и ледяными пальцами гладила тело, от макушки до самых пяток. Не помню точную высоту моста. Вроде бы 20 метров. Такой головокружительный прыжок я не совершала никогда в своей жизни. Оно того стоило. Мгновенный впрыск адреналина, вытряхнувший из меня алкоголь. Именно благодаря алкоголю я и отважилась вообще на это. Но мне было так нужно...

Лежа на спине, гладила ладонями воду, позволяя течению нести меня вперед. Удивительно. Надо мной раскинулась бесконечность космоса, мигающая звездами. Многие из них давно угасли, а свет все еще с нами. Снизу – опасный подводный мир, хранящий свои секреты под толщей черной как смола воды. И между такими гигантами зажата в тиски маленькая безвольная марионетка, чье тело, повинуется стихии и уплывает вдаль.

В детстве мама говорила мне: «Слушай свое сердце, Амелия. Ему лучше известно, как будет правильно!». Только сейчас я убедилась в полном отсутствии мозгов у моего сердца. Это же надо было так меня подставить. Как я должна жить дальше? Нет... не думать сейчас. Мир надо мной так восхитительно прекрасен, мир подо мной настолько ужасающе опасен... а остальное – подождет. Алкоголь вновь теплыми волнами накатывал, унося сознание далеко. Звезды кружились, сливаясь в головокружительный звездопад, пока не превратились в непроницаемую черную мглу.

* * *

Кто-то гладил мои волосы и тихо всхлипывал рядом. Открыть глаза удалось не сразу. Тяжелые веки почти не слушались. Когда, наконец, удалось с ними совладать, я не могла понять, где нахожусь. Стерильный белый цвет, который ненавижу всеми фибрами души, сочетался с холодными хромовыми конструкциями. В нос ударил запах хлорки и спирта. Больница? Только здесь могут быть настолько безвкусные сочетания цветов в интерьере и паршивые запахи. В кресле рядом всхлипывала Одри. В коридоре за прозрачным окном стоял Он. Заметив, что я очнулась – метнулся к двери.

– Уберите его отсюда! – закричала я. – Одри, пусть он уйдет, немедленно. Я не хочу его видеть, уберите его!!!

Теплая волна обожгла вены и, не в силах бороться со сном, я обмякла на подушках.

Когда очнулась снова, в кресле рядом по-прежнему спала Одри, поджав под себя ноги в пушистых домашних тапочках-зайцах и крепко обнимая Люсиль. Я невольно улыбнулась, глядя на такую идиллию. Подруга ненавидела мою кошку за шерсть, мяуканье и бесполезность. И мои слова о том, что «наступит день и только Люсиль сможет тебе помочь», оказались пророческими. Какое удивительное единодушие. Заметив меня, кошка мяукнула и, выскользнув из объятий подруги, засеменила ко мне.

– Сюда, Люсиль, – я показала ладонью, куда можно запрыгнуть и, мяукнув, спрашивая разрешения, она забралась на кровать и свернулась калачиком под моим боком. Мягкое, но громкое мурлыканье заполнило тишину.

– Частотный диапазон от 25 до 150 Гц. Помогает скорейшему выздоровлению, – фраза явно принадлежала не Одри, потому, глядя на подругу, я вздернула бровь. – Так сказал твой Генри, заставляя врачей пропустить сюда твою любимицу.

– Надеюсь, ему хватило такта не приходить?

– Он здесь. В коридоре. Хочет поговорить. Выпроводить его? – она опустила ноги на пол, готовая выполнить задуманное.

– Я не стану с ним разговаривать. Ни за что, – отвернула голову. Тело неприятно ломило.

– Что у вас произошло?

Тишина. Щелканье секундной стрелки на часах. Стрелки, отмеряющей мгновения моей жизни. Моей новой жизни. Без него... Пустота.

– Извини. Не хочу об этом. Отвези меня домой, – с мольбой.

– К сожалению, это невозможно, дорогая. Врачи сказали, что с завтрашнего дня тебе назначат терапию... – она многозначительно замолчала.

– Какую терапию? – я даже перестала гладить Люсиль, проверяя, все ли в порядке с моей анатомической целостностью. Все конечности шевелились, боли нигде не было. Только общее недомогание, усталость и ломота в теле. Вообще не понимаю, почему нахожусь в больнице.

– Попытка суицида, Амелия. После этого так просто не выпускают.

– Какая еще попытка суицида?! – возмутилась я, повысив интонацию. За дверь послышался шум. Я четко разобрала голос мистера Эллингтона. – Одри, прошу. Пусть он уйдет. Иначе я сделаю это сама и в очень жестокой манере.

Увы, уходить он не намеревался. Более того, и подруга с удивительной податливостью вышла, как только мистер Эллингтон оказался в палате. Предательница! Я отвернулась от него.

– Амелия, нам нужно поговорить, – он выглядел плохо. Очень плохо.

– Не о чем говорить, мистер Эллингтон. Вы наигрались. Я тоже. Игры закончились.

– О чем ты?

– О чем? – повернула голову. Больно на него смотреть. Такая растерянность в глазах и даже... страх? Знаю, поступать так нечестно, некрасиво и жестоко. Но еще большая жестокость приходит сюда после того, как нагло врал, глядя мне в глаза. У меня нет сил на выяснение отношений. Я прекрасно знаю, что он хочет мне сказать. Либо соврет, либо Шарлин. Да, она очнулась. Он не может ее оставить, но и меня не может бросить, а потому намерен пудрить

голову нам обеим. Нет. Я не могу. Не могу. Еще тогда, в Розе, познав с ним удивительное наслаждение любви, я совершенно четко осознала, что делить его с другой женщиной не смогу. Либо мой, либо нет. И пусть это доставит мне все муки ада, но увидеть его в объятиях другой – в сотни раз больнее, чем не видеть вовсе. – Не понимаю, что вы здесь забыли. Тогда, в клубе, я поспорила с Итаном, что смогу затащить вас в постель. Сразу не получилось, но я выиграла пари. Вам – наслаждение, мне – победа. В конце концов, вы сами сказали, что я не девушка, но у меня там слишком узко для женщины. Делайте выводы. И, прошу, перестаньте волочиться за мной как побитый щенок. Выглядите жалко.

– Амелия, – мои слова ранили его. В самое сердце. Именно туда, куда целилась. Я это видела и ненавидела себя. Едва сдерживая слезы, я почти рычала.

– Вон отсюда. Имейте же совесть и честь! Оставьте меня в покое!!!

– Я люблю тебя, – тихо прошептал он и вышел. Лавину моих слез прорвало. Я рыдала в голос, кричала, царапала грудь и ненавидела. Ненавидела все и всех. В первую очередь себя, потом Генри, потом Одри и медсестер, которые пытались вколоть мне успокоительное. Когда им это удалось, забытье стало наградой за все страдания.

К сожалению, Одри не шутила. Из больницы меня не выпустили и поставили под наблюдение психиатра. К счастью, мне удалось убедить этого пожилого мужчину, что убивать себя я не желала. Просто сорвалась вниз под воздействием алкоголя. Ну, кто из нас не выпьет лишнего с горя? О том, что мне разбили сердце, тоже пришлось рассказать. Увы, таблеток для этого органа и для души, издающей предсмертные всхлипы, как мне поведали, не существовало. К счастью, фразы «время лечит» тоже не последовало, иначе доктор, с фингалом под глазом, повторял бы ее себе. Я стала нервной, несмотря на трехдневный курс психотерапии. Отчасти из-за произошедшего, отчасти из-за того, что пришлось снова подвести Майка и Питерсона и не выйти на работу, отчасти из-за газетных новостей о похождениях мистера Эллингтона, отчасти из-за того, что обидела Одри.

Я стояла на пороге и виноватым взглядом буравила половик. Златовласая подруга, глядя в монитор, со скоростью машинки Зингер строчила текст статьи.

– Одри.

Она едва не свалилась со стула от неожиданности. Опять раскачивалась.

– Амелия! Не слышала, как ты вошла. Почему не позвонила, что тебя выписывают?

– Я думала, ты на меня в обиде, – вот уж не ожидала такой реакции. Три дня меня никто не навещал. Полагала, что моя вспышка агрессии отпугнула всех желающих справиться о моем здоровье. – К тому же, у меня больше нет мобильного.

– В обиде? Мне ли тебя осуждать. Сама недавно с ума сходила...

– Мама? – я топталась на пороге, не решаясь пройти дальше. Если ей сообщили, то лучше бы я утонула в той реке.

– Нет, твоим родителям не сообщали.

– Слава богу, – словно груз с плеч.

Только забот о дочери и дополнительного волнения моей маме не хватало. Я, выпуская Люсиль, поплелась на кухню, чтобы перекусить. Наконец-то можно поесть что-то, кроме желе, манной каши и вареного минтая. От них уже желудок судорогой сводит. К счастью, Одри, буравя меня пристальным взглядом, не задавала вопросов. А я чувствовала, что они зудят у нее в одном месте, не давая покоя. – Господи, ну давай. Давай, спрашивай. Мистер Уикхем сказал, что я должна с кем-то это обсудить. Не думаю, что готова. Но попробую не убить тебя, если ты упомянешь подонка, чье имя начинается на Г...

– Говно!

– Ну, я бы не стала так вульгарно его называть, но, в целом, да. То, что он совершил, фиалками не пахнет.

– Да я о твоей Люсиль! Она насрала под порог! – возмутилась подруга. Безразлично пожав плечами, я убрала за нашкодлившей кошкой и достала из микроволновки горячий бутерброд. Запустив в него зубы, растаяла от блаженства, как запекшийся на нем сыр.

– Слава богу. Нормальная человеческая еда. Ну, так что. Вопросы будут? Кредит моей щедрости закроется через полчаса. Именно через 30 минут я отправлюсь на работу. И боже упаси тебя кому-то сказать, что я у мозгоправа лежала!

– Амелия, – возмутилась подруга. – Меня одно интересует. Ты в больнице газеты читала? – она предусмотрительно стянула со столика единственную газету. У нас на столе всегда лежал свежий номер «Местного времени». Подруга следила за подачей материала своими конкурентами, я из любопытства листала, чтобы иметь представление о происходящих в городе событиях. Кого убили, кто сам убился, где украли банкомат...

– Нет, но раз ты так настаиваешь, я это исправлю. Дай мне газету, – я требовательно вытянула руку.

– Если не читала, не стоит, – хмыкнула она. Я устрасяюще округлила глаза. – Ладно, ты все равно можешь купить по дороге в офис. Но не говори, что я не предупредила.

На главной странице «Местного времени» красовалась фотография мистера Эллингтона. Я сжала зубы. Но заголовок существенно поправил мое настроение «Похождения брошенного миллиардера или сбежавшая невеста». Я бросила встревоженный взгляд на Одри, которая помотала головой, намекая, что лучше не читать. Тем не менее, тяжело вздохнув и откусив еще один кусочек бутерброда, поскольку аппетит наверняка после прочтения отпадет, я продолжила чтение вслух.

«Всемирно известный миллиардер, Генри Эллингтон, который не так давно объявил о помолвке с никому неизвестной девушкой из бедной семьи Амелией Уэйнрайт не устает радовать нас новыми историями. Вчера его доставили в полицейский участок, где составили протокол об управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. При этом в его машине было три, совершенно точно три полураздетых женщины легкого поведения. Как сообщает наш источник, поведение дамского любимчика разительным образом изменилось после того, как его снова бросили. На этот раз невеста попросту сбежала без объяснения причин. В какие еще переделки попадет глава Тринити, чьи акции, словно осенние листья, бесконтрольно падают вниз? Узнаете в следующем номере газеты».

– Это должно меня касаться?

Я была права. Аппетит пропал. Сердце щемило от боли. Глаза щипало от непролитых слез.

– Не ври хотя бы сама себе, – едва слышно протянула подруга. – Ты любишь его, но он сделал тебе больно. Я не знаю, что между вами произошло, но уверена, что он страдает от разрыва не меньше, чем ты. И справляется по-своему. Амелия, он, правда, любит тебя.

Странная какая-то любовь. Любит меня, а поцелуи дарит другой. Впрочем, подруга не высокого мнения о Генри, но почему-то сейчас на его стороне.

Еще чуть-чуть и выдержка, которую я тренировала целых три дня, бесконечно долго тянувшихся три дня, падет. Я не могу себе позволить этого. Если снова скачусь в депрессию, если дам боли одержать верх, то потеряю работу, а вместе с ней и надежду на благополучное будущее. В конце концов, следует расставить приоритеты.

– Одри, давай договоримся. Генри сделал свой выбор. Им оказалась не я, – подруга раскрыла от удивления рот. – Теперь мне предстоит принять это и жить дальше. Пока не знаю как, но я очень надеюсь на твою помощь. Мое внешнее благополучие дается крайне тяжело. Внутри меня бесконечная боль. Все мышцы и жилы выворачивает наизнанку. Я хочу кричать, орать от невыносимого ужаса, от страха, что теперь не знаю, как жить, как дышать без него, –

слеза расчертила щеку, но я быстро смахнула ее и натянула на лицо фальшивую улыбку. – И это острое чувство одиночества и пустоты вот здесь – в области сердца. Словно из меня выдрали кусок мяса. Вместе с душой. И я теперь не знаю, чем залатать это место. Потому что ветер реальности сквозит внутри меня, повторяя «теперь ты одна». «Ты ему не нужна». Но это жизнь. И я прекрасно понимаю, что от самобичевания и погружения в жалость к самой себе станет только хуже. В разы. Единственное, что я могу – сделать новую себя. Боль и одиночество перековать в железные доспехи. Возвести ледяную стену, и зарыться головой в работу. Все.

Одри не знала, что сказать, только с широко распахнутыми от ужаса глазами смотрела на меня. Слеза, столь непривычная для нее, стыдливо скатилась к подбородку. Подруга молча крепко сжала меня в объятиях и едва слышно прошептала, что мне пора на работу. Я была ей крайне благодарна за понимание.

День пролетел невообразимо быстро. Я бесконечно извинялась перед Майком и Питерсоном, они снисходительно кивали в ответ, потому что тоже читали газеты и были в курсе всего. Как им казалось. Мне простили заминку с выходом на работу и взяли зарок, что впредь никаких внештатных ситуаций не будет. Я намеревалась с головой уйти в бизнес и выстроить головокружительную карьеру. Слава богу, теперь можно не отвлекаться на всякие глупости типа любви и желания создать семью. А еще – дети. Если бы у нас с Генри были дети, кому-то пришлось бы уволиться. И явно преимущество не на моей стороне. Но теперь подобного тяжелого выбора не будет. Только я и цель – стать старшим партнером.

Я покрутилась в кресле в моем новом офисе. Просторный. Метров десять на десять. Из окна тринадцатого этажа потрясающий вид на засыпающий город. Просидела на работе до десяти, пытаюсь вникнуть во все дела. Мебель нужно сменить. Ненавижу кожаные кресла. Лучше поставлю пару мягких велюровых диванов, кресел. Журнальный столик со стеклянной крышкой, так уж и быть, оставляю. Но вазу с бесформенным нечто, напоминающим высохшие палки убрать. Картины... Господи, что со вкусом у человека, который занимал этот кабинет до меня? Переделать. Несомненно, все переделать под себя. Единственное, что полностью устраивало – это большой рабочий стол в форме буквы Т. К моему рабочему месту примыкало небольшое ответвление для того, чтобы мои подчиненные, да-да, пара стажеров и младших аналитиков теперь ходят под моим руководством, могли располагаться во время планерок. Впереди выходные, которые проведу за изучением финансовых показателей подконтрольных мне проектов, а в понедельник созову планерку и дам первые в своей жизни указания. Бросила взгляд за стеклянную стену. В области сердца предательская дрожь. Место личной помощницы пустовало. Она уже ушла домой. Теперь, отчасти, могу представить, как чувствовал себя мистер Эллингтон.

« – Амелия, сделайте мне кофе, пожалуйста.

– С удовольствием, мистер Эллингтон, – отвечала я, суетливо стуча пальчиками по клавишам, чтобы успеть закончить мысль и броситься выполнять просьбу босса».

Теперь у меня собственный человек для заваривания кофе, но я по-прежнему предпочитаю делать это самостоятельно. В раздумьях, чуть не ошпарилась кипятком, и, закусив от боли палец, застыла. В дверях застыл мужчина. Мне казалось, что никого на нашем этаже уже не осталось.

– Джереми Питерсон, – обворожительно, как ему показалось, улыбнулся он, не вынимая из карманов брюк руки. Неподобающе вульгарный жест. Он что, ублажает себя сквозь ткань, глядя в мою сторону?

– Амелия Уэйнрайт, – достав изо рта палец и возвращаясь с чашкой кофе за рабочий стол, отрапортовала я. – Чем могу быть полезна в столь позднее время?

– Зашел познакомиться со своей новой подчиненной.

Светлый костюм сидел на нем нелепо. Некоторым мужчинам носить костюмы противопоказано. Джереми относился к их числу. Так, стоп. Питерсон. Неужели сын того самого Питерсона?

– Вижу, осознание уже пришло, – еще одна улыбочка, от которой аж зубы сводит. Я скрыла гримасу отвращения за глотком терпкого напитка.

– Да, я поняла. Вы – мой непосредственный руководитель. Родственник мистера Питерсона, – села удобнее, отставив напиток и положив перед собой бумаги, которые следует изучить.

– Сын, если быть точнее.

Будто это должно меня впечатлить. Мой отец – адмирал флота и что дальше? Если очень захочу – приедет за мной на танке, отвезет до корабля и доставит прямиком на подлодку с ядерной боеголовкой. И что мне теперь по этому поводу кадрили станцевать? Я начала сердиться, что мое время тратят впустую.

– Тем не менее, мой вопрос неизменен. Чем могу быть полезна?

– Уже поздно. Хотел предложить спуститься в бар, пропустить по стаканчику, – блеск его глаз стал подозрительно опасным.

– Как вы верно заметили, – убирая в сторону отчет, неизвестно как оказавшийся в этой стопке, холодно отчеканила я, – уже поздно.

– Нет, Амелия. Если все так пойдет, у нас могут не сложиться отношения, – вновь сальная улыбочка.

Понятно, к чему он клонит. Я отложила в сторону бумаги и, скрестив пальцы, расставила все по своим местам.

– Мне не нужно, чтобы у нас с вами складывались какие-то отношения, помимо официальных. Мое рабочее время – с 9 до 18. Я планирую дослужиться до старшего партнера, поэтому работать буду, не покладая рук. Понадобится – ночевать. Но свое рвение к должности я ни в коем случае не опорочу сомнительными связями и достижениями совершенно непрофессионального характера. Надеюсь, я достаточно ясно выразилась? А будете настаивать – сообщу в комитет по этике. Я свои права знаю.

– Восхищен, – удивился он. Я с облегчением вздохнула. Понимаю, умом понимаю, что подобный тон неприемлем в общении с непосредственным начальником, но нужно сразу же ставить все точки над *i*, чтобы потом не приходилось прятаться по углам от его пошлых шуточек и намеков на кровать. Ее не будет. И он должен сразу это понимать. – И вашей смелости, и вашему упорству. Работайте, мисс Уэйнрайт. Я нечасто появляюсь в офисе, но, если понадобятся мои услуги – звоните.

На стол легла безвкусная визитка. Черные буквы на золотом фоне. Имя и номер телефона. Он ушел, а стойкий запах пота и слишком резкого парфюма еще долго витал в воздухе.

Мне предстояло разгрести еще множество отчетов, а потому со всей папкой я перебралась на диван, на котором, незаметно для себя и уснула.

Проснулась от солнечных лучей, улыбающихся в панорамное окно, совершенно разбитая. Вдобавок, от неудобной позы затекла шея. Сделала отметку, что нужно будет приобрести несколько подушек и принести плед, для таких вот неожиданных ночей. А в шкафу обязательно должны быть запасные блузки и платья. У зеркала поправила блузку, застегнула пиджак на все пуговицы, переплела косу. Что ж. Новый день. Принесу, пожалуй, зубную щетку. У меня собственная уборная, потому могу себе позволить устроить в офисе полноценный запасной дом. Раздался телефонный звонок.

– Да?

– Амелия, ты где? – Одри волновалась. – Ты в порядке?

– Не переживай. Вены не режу. Таблетки не глотаю. С мостов не прыгаю, – зажав ухом трубку рабочего сотового, я наливала новую чашку кофе. Про себя отметила, что необходимо

внести в список покупок новый телефон и сумочку, взамен той, которая покоится сейчас на дне реки.

– Рада слышать. Ты что, на работе ночевала? – она была недовольна.

– Ты что, недовольна? – молчание. – Ты недовольна, – констатация факта. – Увы, теперь часто будет так. Я намерена достичь невозможного и получить должность старшего партнера. Теперь ничто не способно сбить меня с цели. Сегодня буду поздно, поэтому ложись без меня. И, Одри... как ты? За всеми этими событиями мы забыли о тебе.

О да, блаженный аромат. Корица на кончике ножа, пол чайной ложечки сахара. Попробовала – великолепно!

– Поверь мне, ночь на мосту отрезвила по самое не хочу. Я поняла, что у меня с Кристофером была лишь блажь. Когда я увидела Генри... Как его волосы тронула седина... Амелия. Мои проблемы потеряли в тот момент все свои краски. Я готова жить дальше. Точнее, почти готова жить и найти того, кто полюбит меня также сильно, как Генри любит тебя. Осталось тебя в этом убедить.

– Извини, но мне некогда убеждаться в чем бы то ни было. Работы невпроворот.

– Мы хотя бы можем пообедать? – с надеждой.

– Не думаю. Закажу в офис. Если что – звони пока на рабочий.

* * *

Он сидел за столом, закрыв ладонями лицо. Рядом стояла недопитая бутылка виски. Подчиненные проходили мимо кабинета на цыпочках, и только одна женщина могла себе позволить войти без стука и разговаривать на повышенных тонах.

– Еще нет и полудня, а ты снова пьян! – миссис Эллингтон была в гневе.

– Мама, – устало выдохнул он и, растерев ладонями трехдневную щетину, откинулся на спинку кресла. – Не ожидал, что ты прилетишь. Какими судьбами?

– Какими судьбами? – вспыхнула она. – Газеты. Новости. Звонки наших общих... наших бывших друзей. Мне продолжить? Если бы отец был жив, он бы тебя собственными руками придушил. Что ты творишь, Генри?

– Прожигаю свою жизнь, – признался он.

Миссис Эллингтон даже пыл растеряла. Смерив шагами кабинет, наконец, уселась в кресло перед сыном и, заглянув в его уставшие глаза, покрасневшие от бессонных ночей, спросила:

– Это из-за Шарлин?

Скривился.

– Из-за Амелии?

В глазах отразилась боль. Залпом допил виски, но налить новую порцию не позволила рука матери.

– Генри, что бы между вами ни произошло, ты еще можешь все исправить.

– Она не любит меня! – едва не крикнул он. Но добавил уже спокойно: – а заставить я не могу. Только не ее.

Миссис Эллингтон рассмеялась в голос и не удержалась, чтобы не встать и не обнять сына.

– Милый мой, глупый мой сын. Такой взрослый, но такой несмышленный в сердечных делах, – она гладила мужчину по голове, а он, прикрыв глаза, позволил себе в объятиях матери побыть слабым. Он любил эту женщину. Безгранично. Всем сердцем. – Я-то думала, произошло что-то страшное. А ты из-за какой-то глупости страдаешь. У нас есть более серьезные проблемы – твоя жена.

Он снова скривился, но приготовился выслушать.

* * *

Дни потянулись бесконечной вереницей. Я практически перебралась жить в офис, обустроив его под собственные вкусы. Эти вкусы приглянулись и Майку, и Питерсону, которые частенько заходили в мой кабинет, чтобы разглядывать рыбок или подумать, расхаживая взад-вперед по массажному ковру, или просто побеседовать со мной за чашкой кофе о планах на будущее. Мои планы были грандиозными и они в полной мере их разделяли. Мне доверили несколько серьезных проектов, из-за которых я практически перестала спать и есть. Очень сильно похудела. Лицо осунулось, а под глазами легли глубокие то ли мешки, то ли синяки. Мне самой было сложно разобрать. Но я научилась очень хорошо маскировать их косметикой. Вслед за бессонницей пришли тошнота и головокружения. Одри была недовольна, поскольку это первые признаки истощения. К слову, мы практически перестали общаться, потому что дома я бывала три, от силы четыре ночи в неделю. Именно ночи.

Депрессия углублялась. Пустота внутри бесконтрольно росла, перемежаясь с тьмой. Бесконечной тьмой. Сознание упорно твердило, что я должна обдумать произошедшее и хоть как-то выразить к нему свое отношение. Но я не могла. Стоило только на секунду задуматься о произошедшем, как липкая паутина страха сковывала все естество, грозя разрастись во всепоглощающую панику. Помогало закрываться и не думать ни о нем, ни о том, что было. Красивая сказка из прошлой жизни. Я стала более жесткой, менее чувствительной. Несколько раз звонила мама, чтобы узнать, как я переживаю разрыв и почему бросила мистера Эллингтона. Пришлось соврать, что предпочла карьеру и выслушать кучу нелицеприятных выражений о том, как горько я об этом пожалею. Жалею ли я о том, что совершила? Несомненно. Но разве у меня был выбор? Конечно, был! Я могла стать девушкой на подхвате. Греть его постель, в те редкие дни, когда Шарлин в отъезде или мучается с месячными. Но что это за отношения и что за жизнь? И кем была бы я... Предпочесть унижение или страдание? Я выбрала страдание.

Из зеркала смотрела моль с огромными глазами. Совершенно точно я была похожа именно на моль. Худая и бледная. Даже прихлопнуть хотелось, чтоб пальто не сожрала. Вдобавок снова тошнит.

– Амелия, ты должна поесть. На тебя же смотреть страшно, – возмущалась подруга.

– Не могу, нужно закончить правку договора, – я отошла от зеркала и села за компьютер.

– Все, с меня хватит, – Одри захлопнула крышку моего ноутбука и наткнулась на полный гнева взгляд. – Ой, эти взгляды для своих подчиненных оставь! Я вызываю тяжелую артиллерию!

Через четверть часа я сидела на диване и переводила взгляд с Одри на Итана и обратно.

– Ну что, подруга? Тебе самой еще не надоело? – поинтересовался Итан.

– Что именно? – я устало потерла виски и, чтобы унять головокружение, откинулась на спинку дивана.

– Играть в супер женщину, которой неведомы чувства, и которой для поддержания жизни не требуются еда, вода и отдых.

Я закатила глаза, но отчасти Одри была права. Отсутствие сна и еды давали о себе знать. Но что я могла сделать? Стоит только дать волю моему подсознанию и раскисну. До сих пор как следует не осознала произошедшее, не позволила себе спуститься в рефлексию, оставив анализ своей жизни и работу над ошибками на потом. На очень не скорое и даже скорее мифическое потом. Которое, надеюсь, никогда не наступит.

– Что вы предлагаете?

– Ресторан-психотерапевт-умопомрачительный секс, – Одри сияла, заверяя, что только такая схема позволила ей дожить до ее возраста без седых волос. Посмеявшись над упоминанием о возрасте, Итан постеснялся спросить, как часто она прибегала к подобным схемам и сколько успела сменить парней. А их у подруги было немало. Влюбчивая, она каждый раз открывала сердце и каждый раз думала, что нашла того самого. Как бы и мне научиться с такой легкостью переживать потрясения?

– Итан. Ты поддерживаешь это бредовое предложение? – я уцепилась за парня как за разумную соломинку.

– Миную вторую ступень, да.

– Согласна только на первую, – нехотя торговалась я. И то только потому, что Майк запретил сегодня выходить на работу. Я, кажется, третий или четвертый день к ряду ночевала в офисе. Поскольку гардероб, да и добрая половина гигиенических принадлежностей, переночевала в мой запасной дом, они об этом узнали не по запаху. Уборщица выдала. Меня заставили ехать в мой настоящий дом, выспаться, отъесться и после этого с новыми силами, но уже в понедельник, то есть через три дня, браться за новый проект. Который, судя по их заверениям, потребует от меня полной концентрации, хладнокровия и собранности.

* * *

– Генри! – от ее гневного вопля разве что люстра ходуном не ходила, – немедленно спускайся, ты, неблагодарный отпрыск!

Миссис Эллингтон неистовствовала.

– Миссис Эллингтон, Генри отдыхает, не могли бы вы не орать как оголтелая? – запахивая халат, с лестницы спускалась Шарлин. Она более всего походила на принцессу вампиров. Черноволосая, белокожая, с острыми скулами и одетая в красный шелк.

– Какие люди соизволили порадовать нас своим присутствием, – ехидно заметила женщина. – Где мой сын?

– Повторю, Генри спит, – она подошла к холодильнику и, налив стакан апельсинового сока, полностью его осушила. – Он так вымотался за ночь.

– Распутница, – вспыхнула Алисия. – Это все ты, ты виновата.

– Не из-за меня он стал таким, – довольная собой, женщина развела руками и облокотилась об арку, ведущую на кухню. – А из-за этой маленькой выскочки.

– Чего ты добиваешься? Ты чуть не сломала его однажды. Думаешь, он никогда не узнает о твоих делишках с Кристофером Алленом?

– Угрожаете? – она картинно вскинула бровь. – Или думаете, он предпочтет мать собственной жене? Генри находится целиком в моей власти.

– Я вижу, что это за власть! Пока мой сын пустился во все тяжкие, Аллен скупает его фирму за гроши. Думаешь, я не вижу, что ты делаешь, дрянь?

– Попробуйте это доказать! – нахальное заявление.

Звон оплеухи эхом разлетелся по гостиной.

– Мама! – гневно вскрикнул Генри, подлетая к жене. – Что ты творишь?

– Это что ты творишь, сын? Очнись, наконец, пока не проснулся у разбитого корыта с полным нулем на счетах. Ты уже лишился Амелии из-за этой дряни. Теперь решил потерять Тринити? Ничего, сын. Еще пара месяцев и твое кресло займет твой злейший враг. Когда будешь способен хоть час обойтись без алкоголя, – она вырвала из рук Генри стакан и со всей силы запустила в стену. – Набери мой номер. Если ты его еще помнишь!

Она ушла. В напоминание о миссис Эллингтон осталось только мокрое пятно на стене и звук каблуков, эхом отдающийся в его голове.

– Ничего, – елевым голосом пропела Шарлин, – я налью тебе новый.

– Лучше налей кофе, – отрезал он.

– Брось, Генри. Ты так любишь бурбон, – легкие поцелуи пробежали по набухшей на шее вене. – Тебе нужно расслабиться.

– Я сказал кофе, – сжав кулаки, мужчина вышел.

* * *

После плотного обеда в нашем любимом ресторане, Итан и Одри делали ставки. Нет, они на полном серьезе делали ставки на то, как долго я продержусь в кабинете некой...

– Доктор Штраус, – Итан смеялся во весь голос. – И ты, правда, думаешь, что доктор Штраус способен вывести нашу малышку из состояния полной фрустрации? Пять минут. Ну, максимум десять, если чисто из любопытства.

– Брось, Итан. Ей станет значительно легче. Психотерапия – великая наука и она помогла не одному поколению женщин пройти через потрясения.

– Да, ее там хорошенько потрясет. Все ваши психотерапевты – шарлатаны. Я тебе говорю. Деньги на бочку.

Плюнув на друзей, в прямом смысле, я нахмурилась и зашла внутрь. Стерильная обстановка, ударившая по глазам безупречно белым светом, исходящим отовсюду, отпугнула мгновенно. Запах хлорки и розмарина. Ужас. Предполагается, что это должно успокаивать. Постеснявшись присесть на белоснежное кожаное кресло – ненавижу кожаные кресла – я подошла к фикусу. Он единственный в этом мертвенном месте выглядел живым. Точнее, доживающим. Тягостно вздохнув, я обернулась на звук шагов. Вот она – Доктор Штраус.

– Амелия Уэйнрайт?

– Да, – с виду обычный доктор в белом халате. Блондинка с идеально ровными зубами и длинными пальцами. У него тоже длинные чувственные пальцы... Отогнав наваждение, поплелась за доктором в кабинет. Увы, обстановка там не лучше. Осмотревшись в поисках места, куда было бы не так стыдно присесть, я осталась стоять на пороге.

– Присаживайтесь, не стесняйтесь, – мне снова указали на белое кожаное кресло.

– Ненавижу кожу, – призналась я.

– Угу, – хмыкнула доктор, присаживаясь за стол и раскрывая тетрадь формата А4. – Вы хотите это обсудить?

– Что, простите? Кожу на кресле?

Доктор испытующе глядела на меня.

– Нет. Не хочу.

– А о чем вы хотите поговорить?

Я молчала. Я вообще не хотела говорить. Но Одри настояла, пообещав, что доктор Штраус сотворит чудо. Пока никакого чуда не произошло, а вот я была на грани того, чтобы сотворить что-нибудь.

– Если хотите – вы можете молчать весь прием. Это ваше право. Обычно, когда так начинается, к пятому или шестому сеансу пациенты готовы разговаривать.

– Вы когда-нибудь любили? – я апатично взглянула в ее безжизненные серые глаза.

Она каждый день слушает истории жизни других людей. Истории, навсегда перевернувшие чей-то мир. Истории, убивающие или воскрешающие души. Истории, полные зла, боли, ненависти, кошмара. Полные чужих пролитых слез, бессонных ночей, резаных вен. Истории, наполненные жизнью. Но они отражались в ее глазах полным безразличием. Может ли такой человек помочь мне чем-то? Способна ли она вообще что-то чувствовать? Не уверена, что глухая душа способна исцелить умирающую...

– Мы сейчас говорим не обо мне. Но, как понимаю, вам разбили сердце?

– Разбили сердце, – я попробовала на вкус слово, все так же стоя в дверях. Если бы мне просто разбили сердце, было бы не так больно. Мне порвали на куски душу, после чего топили куски в серной кислоте, а потом то, что осталось, бросили на съедение голодным гиенам. Так что там сказала доктор? Да, кажется, профессиональный термин...

– Это называется – принятие неизбежного. Как вы, должно быть, знаете, существует пять стадий. Отрицание, гнев, торг, депрессия и после – принятие. Скажите мне, Амелия, вы готовы принять произошедшее?

Я молча и с грустью смотрела на женщину. За ее спиной в рамках висели дипломы. За заслуги, за достижения, за помощь... Положив на стол деньги, ровно столько, сколько стоит прием, я развернулась и молча вышла из кабинета. Лишь на улице смогла вздохнуть полной

грудью и поняла, насколько прекрасно – дышать. Просто так стоять, закинув голову наверх, смотреть, как там, высоко в небе, чуждые земных трудностей и проблем, парят ласточки. Они кричат, а их крики уносит ветер и растворяет в вечности. У них все просто. Любовь – это любовь. И только мы, люди, любим усложнять и рвать свое сердце. Такое чувство, что без страданий наша жизнь не будет полноценной. Словно страдания говорят нам, что мы все еще живы. Но чего стоит такая жизнь?

– Ну, подруга, гони деньги, – Итан выставил руку, сорвав куш. Я и пяти минут не провела в кабинете леди Шизика.

– Да иди ты, дурень, – злобно шикнула она, обнимая меня за плечи.

– А теперь послушайте меня. Верно говорю. Ваши мозгоправы ни черта не смыслят в излечивании душ. Трепом ее не вылечить.

Итан абсолютно прав. Я не хочу говорить. Не хочу думать. Мое желание – я бы легла на поверхность воды и пусть она уносит меня, далеко-далеко, на середину океана, где абсолютная тишина. Лишь тишина способна излечить душу. Рано или поздно, она отринет стоны, омертвеет и перестанет бороться за жизнь, обвиснув безвольным флагом.

– Ну и что ты предлагаешь, доктор умник?

– Танцы, – абсолютно серьезно заявил парень. Мы подняли на него взгляд. Одри – злой, я недоуменный.

– Нашел время для стеба, – подруга сердилась, стараясь защитить меня.

– Нет, Одри. Он прав, – Итан засветился, демонстрируя жестом «я же говорил!». – Я не хочу говорить об этом. Ни с кем. Даже с тобой. Прости, я просто не хочу. Хочу забыть обо всем.

– Только на танцах ты сможешь излить все страдания своей души. Значит так, подруга. У меня из Аргентины подвалил друг – Мигель. Преподает танго. Страстный мачо-красавец, но притронется – руки ему оборву. Сегодня вечером дает открытый урок. Так что, дамы, надевайте бальные туфельки, мы пойдем латать раны нашей прекрасной Золушки.

Я невесело улыбнулась. Кто бы мог подумать – я и танцы. Мне казалось, что мы не созданы друг для друга. Но, Мигель пояснил, что нельзя быть не созданным для танца. Танец – естественное состояние человека и его души. Только во время танца мы можем быть настоящими. Можем любить, ненавидеть. Можем показать все тысячи оттенков собственных эмоций и только нам выбирать, чем он закончится. Танец с партнером учит доверию и поддержке, взаимоуважению и силе, отваге довериться и ответственности оправдать доверие.

– Я бы оправдала его доверие, – Одри многозначительно поиграла бровями, глядя на нас с Итаном.

– Да ты пошлячка!

– Это да, – улыбнулась она, вставая в стойку с Итаном.

Поскольку на парные занятия по классике жанра мужчин ходит в два или три раза меньше, мне представителя сильного пола не досталось. Совру, если расстроилась. Напротив. От мужиков мне сейчас нужно держаться подальше. Но я рано радовалась. Мигель решил, что составит мне компанию и будет моей парой.

Меня стиснули в цепких аргентинских объятиях. Магнетизм латиноамериканского мачо полностью оправдывает себя. Жгучие черные глаза, в которых горят огни ночного города, черные смолянистые волосы, вьющиеся крупными кольцами и спадающие почти до плеч, кожа, познавшая вкус южного солнца и мышцы, искусно слепленные многочисленными тренировками. В небольшом зале, окруженном зеркалами, играло страстное танго, а от нашего преподавателя, одетого в обтягивающую белую майку и трикотажные брюки, исходила аура опасности и притона. Невообразимое сочетание.

Все первое занятие мы вдохновлялись прожигающей кровью музыкой и тренировали стойку. К концу первого часа я была заинтригована, возбуждена и измождена. Вдобавок болело

все тело, в особенности там, где были мышцы, чей покой я не тревожила, кажется, с самого рождения. Мы делали растяжку, разучивали па, вдохновлялись проникновенными речами Мигеля. Насколько захватывающе он описывал то, как танцуют танго в Аргентине. Как мы должны чувствовать партнера. Что танец – это диалог. Мы словно ступаем по хрупкому льду, который может разрушиться от неверного движения и унести в пропасть. Будто каждый наш шаг, каждое движение руки, каждый взгляд – жизненно важная необходимость. Позиция, о которой мы заявляем. По окончании тренировки – через два часа – мы сидели в раздевалке все сырые, уставшие, но довольные. Впервые за целый месяц на моем лице появилась улыбка. Не вымученная, не вежливая или официальная, а настоящая, искренняя.словно прощальный кивок умирающей души. Даже щеки порозовели, и отступила тошнота.

Физические упражнения, свежий воздух, отдых и хорошее питание – залог прекрасного самочувствия и работоспособности. Я отметила про себя, что, возможно, даже третий пункт из списка Одри не такой уж и лишний.

– Это куда это ты смотришь, – жадно глотая воду из бутылки, усмехнулась подруга. – Уж не на прекрасный ли торс господина Мигеля? Настолько мужественный и настолько... голый.

– Как думаешь, мне стоит с ним переспать?

Итан подавился, разбрызгав воду на нас.

– Эй, осторожней!

– Ты в своем уме, Амелия? Даже не думай. Мигель мой друг. Ты мой друг. Никакого секса между друзьями, усекла? – он тоже был мною недоволен. Друзья с завидным постоянством выказывают недовольство моим поведением.

– Не вы ли говорили, что мне нужно, скажем так, смахнуть паутину с моих пещер?

– Пещер? – скривив бровь, Итан опустил взгляд туда, куда друзья мужского пола обычно не смотрят.

– Я тебе сейчас в глаз дам.

– Ты лучше ему дай, – шепотом протянула Одри, наблюдая, как в нашу сторону, покачивая бедрами, шествует аргентинский красавчик. У меня даже слюнки потекли. Пожалуй, чтобы окончательно убить в себе остатки прежней трепетно-стеснительной Амелии, я должна это сделать. Буду рассматривать это как своего рода психотерапию. Ну, хоть признала себя психом, – злорадствовало подсознание.

– Как вам занятие? – держа в руках полотенце, перекинутое через шею, поинтересовался Мигель. Он говорил с невероятно сексуальным акцентом, и мы с Одри терялись, куда смотреть – на его прекрасно слепленный рот или идеально вылепленные мышцы на обнаженном теле.

– Боюсь, они сейчас не в состоянии ответить тебе, бро. Но я в восторге. Ты существенно вырос. Не хочешь вечером зайти потусить на моей трене? Не растерял еще навыки брейка?

– Так мистер и брейкинг увлекается? – хлопая ресницами, восхитилась Одри, пихая меня локотком в бок.

– Может, сходим сегодня в клуб? Все вместе? – предложила я. Друзья глянули на меня как на полоумную. Они прекрасно понимали, что я задумала. А что я задумала? Помню слова Одри на счет грязного и быстрого секса в кабинке туалета, который, как правило, происходит после знакомства на танцполе. Думаю, стоит нам с Мигелем пообжиматься на танцевальной площадке, как последует продолжение. А мне сейчас как никогда нужно что-то, что встряхнет меня. Секс без обязательств станет первым этапом моей новой жизни. В конце концов, раз уж Генри позволяет себе беспорядочные половые связи, почему я не могу заняться тем же самым? Может, в этом есть какой-то смысл?

– Гавана еще работает? – вопрос предназначался Итану.

– Да, там по-прежнему крутят отличную кубинскую музыку.

– Отлично. Предлагаю встретиться там. Отработаем ваши знания на практике. Леди, – Мигель поцеловал наши ладошки и отправился в душ.

– Очень отработаем, – веселилась Одри, намекая совсем не на танцы.

– Секс втроем? Или вы им по очереди планируете пользоваться? – с интересом спросил Итан. Мы растерянно переглянулись.

– Ладно, тебе секс нужнее, чем мне, – нехотя согласилась Одри. Я восторженно потеряла ладошки, предвкушая жаркий вечер.

* * *

Вечер действительно выдался жарким. Это лето, кажется, решило побить все рекорды, и дневное солнце нещадно плавало асфальт до состояния тягучей карамели, а траву жарило, словно поджарку для супа. Вечером, по классике жанра, должна была спускаться приятно освежающая прохлада. Но, судя по всему, спустилась она куда-то не туда, поскольку было душно и жарко, несмотря на то, что мы нарядились в короткие трикотажные сарафаны на бретельках. Свободный крой юбок должен был позволить, как выразился Мигель, отработать полученные на уроках навыки. Честно говоря, мне не терпелось. И это я о танцах. Никогда не думала, что смогу их полюбить. То ли тому виной харизматичный до дрожи в коленках преподаватель, то ли мне это было необходимо сейчас, но я чувствовала потребность в движении.

– Ну и где они? – Одри недовольно расхаживала взад-вперед перед входом в клуб. Я, под доносившуюся музыку, неуклюже повторяла танцевальные па, которые мы разучивали, в несколько вольной интерпретации прямо посреди дороги. – О, явились, наконец!

Если внешний облик Мигеля ничуть не удивил – белоснежная майка, плотно облегающая рельефные мускулы и темные трикотажные брюки, то одетый под стать Итан выглядел необычно. Ни тебе широких штанов, ни свободной рубашки. О, этот блеск в глазах Одри я узнаю из тысячи.

– Ничего не хочешь рассказать? – шепнула я, наблюдая, как покачивая бедрами и веселясь, к нам подходят наши кавалеры.

– Отстань, – шикнула она. Ага. Значит, я права.

В Гаване я никогда прежде не была. Вообще, проще было перечислить места, где я была, чем те, которые не посещала. Досуг мой разнообразным не назовешь. Поэтому новые ощущения были как раз кстати. Нужно насыщать себя яркими эмоциями, чтобы крики раненой души не мешали совершать глупости.

Клуб под открытым небом, среди пальм. Дешевая светомузыка располагалась прямо над головами, на железных перекладинах и столбах. Бар – рядом с бассейном. Музыка из огромных колонок, расположенных на небольшой импровизированной сцене. На ней же выступает сладкоголосая девица, поющая о бесконечных любовных муках. Кажется, это румба. Не успела я пожаловаться Одри, что и здесь меня преследует эта никому ненужная любовь, как меня увлекли на танцпол.

Мигель превосходно двигался. Конечно, раньше мне нечасто доводилось танцевать в паре, тем более румбу, но это было очевидно. Он способен оживить и заставить цвести даже палку, которой я, без сомнений, и являлась.

– Расслабься, Амелия, – прошептал он, медленно скользя ладонью по моему бедру. Я рефлекторно накрыла его ладонь, когда она подобралась неопозволительно близко к моей заднице. Он улыбнулся. – Ты должна доверять своему партнеру.

– Даже, если он хочет меня облапать? – еще одна улыбка в ответ.

– Танец – это своего рода секс. Только на паркете, – я оказалась прижата спиной к его груди и ладони в этот раз скользили по животу, ниже. Под пленительные аккорды румбы я таяла в его сильных руках. На этот раз не остановила – остановился сам и, взяв мои пальчики, покружил меня под музыку. Рассмеявшись, я снова уткнулась носом в его мужественную грудь.

– Я совершенно не умею танцевать, – покраснелась, чувствуя себя неудобно. Он превосходно вел, я старалась повиноваться каждому его движению, но получалось отвратительно. Мне недоставало гибкости, мелодичности и плавности. Пару раз наступила ему на ногу.

– Уверяю тебя, это не так, – отрезал он, прижавшись лбом к моему лбу и в такт музыке заставляя меня отступать. – Вся проблема в твоей голове. Ты думаешь, даже танцуя. А это непозволительная роскошь. Мысли только мешают. Позволь телу жить. Позволь ему выразить себя через музыку и движение. Позволь ему любить, страдать, желать, дышать!

Я закрыла глаза и попробовала последовать совету мужчины. Не думала, что настолько простой, казалось бы, совет, способен сотворить чудо. Неведомым чутьем я предвосхищала каждое его следующее движение и плавно, легко, без сопротивления следовала ему. В танце мужчина – рама. Тяжелая, массивная, но обстоятельная и надежная, а женщина – только картина. Ей положено быть красивой, нежной и трепетной, вызывать эмоции. Но без рамки картина падет. Поэтому в его сильных руках мне было невообразимо просто быть красивой, ведь надежным являлся партнер. Когда музыка закончилась, я открыла глаза. Раздались аплодисменты. Оказалось, мы остались единственной танцующей парой, а все собравшиеся залюбовались нашим танцем. Моей заслуги в этом, разумеется, не было. Если бы не Мигель, мне бы сейчас не аплодисменты достались, а тухлые помидоры.

– Уйдем отсюда? – едва дыша от усталости и эмоций, сотрясающих тело, выпалила я, пока не передумала.

Он взял меня за руку и медленно повел за бассейн. Туда, где вдали от посторонних глаз раскинут небольшой сад. Странный клуб. Все больше напоминал мне загородный дом мистера Эллингтона, а не публичное заведение.

Здесь, в окружении цветущего олеандра и рассыпанных фонарей он меня поцеловал. Страстно, так, как могут только испанские мачо. У меня даже искры из глаз посыпались. Но на этом все и закончилось, потому что в следующее мгновение меня стошнило. Такого позора я в своей жизни никогда прежде не испытывала. Сотрясаемая волнами уже пустых позывов, я сидела на корточках, и не смела поднять глаза.

– Амелия, ты в порядке?

И он еще участливо спрашивает о моем состоянии? После того, как в ответ на поцелуй я вывернула содержимое желудка на азалии.

– Я принесу тебе воды.

Сбежал. Разумеется. Уверена, что сейчас придет Одри, и уже она будет расхлебывать последствия. Стыд-то какой. Я стерла салфеткой остатки обеда со своего лица и села на лавочку, чтобы перевести дух. Желудок крутило, меня трясло от непонятно откуда накатившей слабости. Закинула голову и, вдыхая полной грудью, смотрела на звезды. Перестаю понимать, куда катится моя жизнь.

Когда среди звезд появилось лицо Мигеля, чуть не подпрыгнула.

– Держи. Вода с лимоном. Отличное средство от тошноты, – он протянул мне бокал прохладного напитка, а сам, закинув руки на спинку лавочки, присел рядом.

– И ты не уйдешь? – я сделала глоток и покосилась на мужчину.

– И бросить даму в положении? – приподнял бровь, подарив мне очень теплую, какую-то уютную улыбку.

Заметила за собой искусное умение распырскивать содержимое бокала губами.

– То есть, ты еще не делала тест? – предположил он, смущенно стирая со штанов брызги.

– Какой тест? – я с сомнением покосилась на Мигеля, вытираясь сама.

– На беременность.

– Я не беременна, – отрезала. Это же надо было предположить такую глупость! – Просто съела в обед что-то не то.

– Хорошо, – мне достался лукавый взгляд. – Это не мое дело.

– Хорошо, – уткнулась в стакан. Вот еще глупости. Беременна. Ветром, что ли, надуло? Вода с лимоном действительно помогла. – Прости, что так вышло. И с поцелуем, и со штанами. Я бы вытерла, но, – я покосилась на пятно воды, прямо на причинном месте мужчины и мы оба усмехнулись. – Ты отлично целуешься, не подумай. И я бы не отказалась от продолжения, но неважно себя чувствую.

Мне снова досталась таинственная улыбка. Помолчав, он произнес:

– Ко мне на занятия женщины, да и мужчины тоже, приходят по разным причинам. Кто-то – преодолеть свою стеснительность и раскрыть сексуальность, кто-то – занять свободное время, а кто-то – заполнить пустоту внутри себя. Понимаешь, Амелия, лишь тебе одной выбирать, жить дальше, или каждый день хоронить частичку себя. Я уверен, раньше ты была удивительной девушкой.

– А теперь? – прискорбно посмотрела на него, залпом допив содержимое стакана и отставив его на край лавочки.

– Теперь я вижу обозленную зажатую женщину, которая боится позволить себе чувствовать. Но не жизнь сделала тебя такой. Ты сама ей это позволила.

Я хотела возразить, но он прервал мои мысли и отсек возражения.

– Думаешь, с тобой случилось нечто экстраординарное? Что-то, чего не случалось с другими? Мою невесту убили во время восстания у меня на глазах. Я держал на руках ее умирающее хрупкое тело, истекающее кровью, и не мог помочь ничем. Гладил ее по волосам. Гладил, бесконечно долго, глядя, как жизнь медленно утекает из ее прекрасных глаз цвета цитрина.

– Боже, Мигель, я...

Он улыбнулся искренне и тепло.

– Амелия, ты можешь танцевать под дождем, а можешь стоять и мокнуть под ним. Подумай над этим.

Он встал, чтобы отправиться обратно на танцпол, но обернулся.

– И, да. Ты великолепно танцуешь. Когда перестанешь думать. На следующей тренировке у меня будет объявление.

Сидела на лавочке, среди цветущих кустов, под светом звезд и в окружении звуков чарующей бачаты. Улыбалась как идиотка. И чему, спрашивается? Снова блевала на глазах у красавца-мужчины. Только теперь это другой красавец мужчина, но результат неизменный – секс опять обломился. Признаться честно, я не хотела мимолетных связей. Это не мое. Мигель совершенно прав. Танец может доставить несравнимо больше удовольствия, чем плотское удовлетворение. Тем более с малознакомым, пусть и привлекательным мужчиной, к которому не чувствуешь ничего, кроме симпатии. Но разве этого достаточно? Уверена, от свершившейся близости, я бы почувствовала стыд и раскаяние, ведь даже от поцелуя губы горели. Совершенно не от страсти. А от ощущения, что предала нас с мистером Эллингтоном. Нас... перед глазами вспыхнули фотографии его в окружении проституток. Даже вспоминать тошно.

Затошнило не только морально, но и физически. Пожалуй, на сегодня мой праздник окончен. Вряд ли местным азам нужна дополнительная порция удобрения. А мне, совершенно точно, нужно зайти в аптеку за лекарствами.

В толпе танцующих разыскала подругу. Одри позволила Итану гладить себя в районе шоколадных холмов, как мы ласково называем задницу, и пленительно при этом улыбалась, глядя в глаза парню. Не хотелось прерывать идиллию, но я должна была предупредить, что ухожу.

– Что-то ты плохо выглядишь, – заметила подруга. – Едем домой?

– Нет, нет, ты оставайся, – я подарила Итану улыбку и показала жестом, что приглядываю за ним. – Съела в ресторане что-то не то. Поеду домой, отдохну. А вы веселитесь. Я буду счастлива знать, что ты здорово проводишь время, – последнюю фразу я добавила шепотом. – Только не прыгай к нему в постель прямо сегодня – все испортишь.

– Амелия Уэйнрайт дает мне советы по соблазнению мужчин? Что-то новенькое, – усмехнулась Одри и, крутанув подолом сарафана, вернулась к прерванному занятию.

Меня же ждал вечер в обнимку с Люсиль и унитазом. Несмотря на то, что весь обед решительно переселился в городскую канализацию, легче мне не стало. Слава богу, что впереди выходные. Успею поправить свое здоровье до выхода на работу. И сделаю зарок – больше не употреблять сомнительную пищу!

Сон сладкими волнами убаюкивал меня. Почти все выходные я то и дело ему предавалась, прерываясь только на танцевальные занятия, во время которых Одри и Итан обменивались стеснительными взглядами. Самое интересное – подруга отказалась раскрывать передо мной карты. Было или не было? Что-то новенькое. Но я не давила, радуясь за них. Не знаю, сколько продлится это непонятно что, но пусть оно длится дольше. Ребята выглядят счастливыми. Кроме того, она каждый раз с энтузиазмом рассказывала о предыдущих отношениях и пустых влюбленностях, и каждый раз после этого рыдала на моем плече. Возможно, в этот раз все иначе и ее маленькая золотоволосая лодочка счастья обретет приют в гавани крепких мужских объятий Итана. Пусть только попробует обидеть Одри – кастрирую!

На занятиях Мигель объявил, что некоторым (особый взгляд на меня) требуется преодолеть свой страх перед партнером и научиться доверию. Для того чтобы это сделать, он договорился о выступлении в ресторане. Мы разучим несколько номеров, отработаем их и после этого представим публике. Сердце тяжелым бездыханным комком свалилось куда-то в область пяток. Ну, нет. Я на это не подписывалась и тихонько ретировалась на самый край танцевальной площадки, чтобы меня не вписали в список выступающих. Впрочем, отнекиваться не дали, ведь я партнерша Мигеля, а он пропустить выступление собственной студии не может, потому, не медля, мы приступили к репетиции наших номеров. Репетировали все выходные и определили график тренировок на неделю. Дня выступления я ждала со смешанными чувствами. С одной стороны – со страхом, с другой – с вожделием. Интересно испытать собственные пределы.

Одри с Итаном ушли раньше, предварительно спросив у меня разрешения уединиться. Определенно, эти изменения льют бальзам на мое израненное сердце. Пусть амурничают, чего уж там. Тем более что чувствовала я себя неважно. Снова тошнило, слегка кружилась голова. Все разошлись, а я все еще сидела в раздевалке, пытаюсь прийти в себя.

– Снова тошнит? – участливо поинтересовался Мигель, выходя из душа. Я даже не смогла оценить всю притягательность его образа – обнаженный торс, по которому медленно стекали крупные капли и накинутое на бедра полотенце. Так плохо мне было.

– Все никак не оправлюсь от отравления.

– От такого отравления оправляются только через девять месяцев. Я начинал как профессиональный бальный танцор. Пришлось сменить три партнерши и все по одной причине. Все как одна твердили, что отравились чем-то, – он сел рядом со мной. – Это не мешает выступлению, но ты должна провериться и решить, что с этим делать.

– Делать с чем? – вспыхнула я.

– Ты можешь сколько угодно отрицать свое положение, но рано или поздно придется признаться самой себе, что это случилось. Я сохраню твою тайну, если пообещаешь к завтрашней тренировке принести мне тест. Положительный или отрицательный. Договорились?

Моим ответом было холодное молчание и злобный взгляд.

– Ну, вот и славно. Нужна помощь или справишься?

– Спасибо, я в состоянии пописать в баночку.

– Отлично! – обворожительная улыбка в ответ.

До дома добралась в смятении. По дороге зашла в аптеку и купила тест, хотя сама не понимаю зачем. Никаких сомнений в отсутствии беременности у меня не было. Не может быть, чтобы первый же раз, когда я занималась любовью, стал залетным. Ну не бывает так.

Семейные пары годами трахаются как кролики и у них ничего не получается. А я пару раз переспала с мужчиной своей мечты и беременна? Нет. Из аптеки домой разве что не бежала, всячески стараясь убедить себя, что этого не может быть, просто потому, что не может. Сердце же пытается выскочить через уши только потому, что Мигель напугал. А месячные у меня не наступили исключительно из-за стресса. Я ведь консультировалась по телефону с доктором Ризерстоун. В конце концов, я не робот, а на меня столько свалилось. Разумеется, пережитое встряхнуло нервную систему и сбilo цикл. Со дня на день Красная армия ворвется в мои будни, чтобы на неделю превратить жизнь в очередной маленький ад. Но самый главный аргумент аутотренинга – я не чувствую себя беременной. Не может же быть, чтобы женщина этого совершенно не ощущала. Я позволила себя убедить в отсутствии беременности и к подъезду подходила уже без истерики.

Писать в баночку, когда руки дрожат – то еще развлечение. Тем не менее, кое-как справившись с заданием, обмакнула тест и, положив его на журнальный столик, села рядом. Словно от моего присутствия каким-то образом может поменяться результат. Или тест может убежать. Люсиль присела возле меня и жалобно мяукнула, словно разделяя мое настроение, а потом тоже устала на эту небольшую полоску, от которой зависит мое будущее.

Это была самая долгая минута ожидания в жизни. Я отсчитала все удары сердца, ведь они молотом били по голове. По спине сбежала струйка пота. Живот скрутило. Я едва сдержалась, чтобы не заляпать ковер. Слава богу, в желудке было уже пусто. Две минуты. Заглянула в тест и едва не описалась от счастья. Одна полоска. Уф. Мигель ошибся. Он просто ошибся, а я отравилась.

Счастливая, поплелась к холодильнику, сделала себе сэндвич с колбасой и сыром, налила кофе и, включив телевизор, уселась ужинать, радостно повторяя про себя одну единственную фразу «не беременна!». Только, почему радость моя с привкусом горчинки? Разве я хотела бы носить под сердцем его ребенка? Когда-нибудь, возможно... имея статус его жены. Но не сейчас, не так...

Одри с Итаном все еще не подавали признаков скуки, потому что телефон молчал. Ну и, слава богу, пусть развлекаются. Доев бутерброд и не почувствовав тяги к унитазу, отвлеклась на шум. Люсиль нашла себе развлечение и гоняла по полу какую-то штуковину.

– Эй, лохматая, что там у тебя?

Оказалось, Люсиль смотрела на мой тест как на живую мишень. Стоило отвернуться, как его тут же использовали по назначению и, загнав под диван, жалобно на меня уставились.

– Тоже мне, нашла игрушку. Я же на него пописала! – возмутилась я, глядя в бесконечно жалобные глаза любимицы, умоляющей меня достать из-под дивана забаву. – Давай я лучше тебе колпачок от майонеза откручу.

Кошка умела быть убедительной. Сидела рядом с диваном и во весь голос мяукала, словно от теста на беременность зависит ее, а не моя жизнь.

– Да что б ты понимала! – возмутилась я, но, тем не менее, полезла под диван. – На, держи, – смахнула с теста пыль и чертыхнулась. – Не может этого быть...

Еще пару минут назад я радовалась тому, что совершенно точно не беременна, а теперь тест решил поглумиться, показывая две полоски. Игнорируя жалобные крики Люсиль вернуть ей игрушку, я полезла в мусорное ведро за инструкцией. Ага, вот и лазейка! Результаты теста через пять минут могут быть недействительными. Но «могут» и «совершенно точно» – разные вещи.

Через пятнадцать минут передо мной лежало пять тестов от разных производителей. Четыре против одного, что через девять месяцев действительно перестанет тошнить. Спасибо, Эвитест, хоть ты за меня. Но логике твердит, что доверять необходимо большинству. И что мне теперь делать?

Я накрыла живот ладонью, прислушиваясь к ощущениям. Нет. Абсолютно ничего не чувствую. Разве что тошноту, но к ней я уже привыкла, держа под рукой пачку сухариков. Но никакого там хора ангелов, цветения лотоса или, на худой конец, ощущения бесконечности. Только тошнота. Может случиться так, что ошиблись все тесты? Или я настолько плохая мать, что не способна почувствовать собственного ребенка в чреве? Люсиль забралась ко мне на колени и, свернувшись клубочком, замурлыкала. Мне хотелось плакать, но, почему-то, не могла. Не было слез. Не так просто осознать, что дашь начало новой жизни, когда об этом говорит какая-то полоска на куске бумаги, пропитанной химическим реагентом. Да кто она такая, чтобы перевернуть мою жизнь с ног на голову? Нужно записаться на УЗИ или к доктору Ризерстоун. Даже не знаю, как в таком случае следует поступать. Маме звонить точно не вариант. Она будет вне себя от счастья, совет дать забудет, но зато с завтрашнего дня начнет присылать кучу всякой детской дребедени, начав с пинеток. Множества пинеток. Сама свяжет, хоть и не умеет вязать. А куда поставить кроватку? И мне придется уволиться, ведь в фирме строгие правила. Если уволюсь, то кто будет содержать ребенка? Я на поклон к мистеру Эллингтону не пойду. Тем более не стану унижаться, чтобы оставил свою французенку и воспитывал ребенка. И самый главный вопрос, который даже страшно себе задавать – оставить ли ребенка вообще?

– Ох, лапушочек, ну зачем же ты выбрал такое неподходящее время, чтобы поселиться в моем животе?

От переживаний головокружение только усилилось.

Скрежет ключа в замочной скважине – призыв к действию. Резким движением смахнула со стола все тесты и, словно спринтер, кинулась в свою комнату. Запрятала подальше, чтобы Одри, не дай Бог, случайно их не увидела. Не знаю почему, но рассказать подруге язык не поворачивается. Пока не время. Сначала нужно убедиться. Действительно убедиться. Пока не увижу своими глазами, что внутри меня копошится маленький человечонок, ни за что не поверю. Это как смертельная болезнь. Никто не верит, пока умирать не начнет. Нет, лопушок, ты на свой счет не принимай... так. Стоп. Разговаривать с ребенком, которого, возможно, даже нет, это уже на грани маразма.

– Амелия?

Я выскочила из комнаты и, заправив за уши растрепавшиеся волосы, улыбнулась во весь рот. Неправдоподобно получилось.

– Ты в порядке? Бледная какая-то. Тебе не легче?

– Выпила регидрон, полегчало, – соврала я. – Больше не стану есть морских гадов, даже не зовите. Впрочем, уверена, что теперь в вашей с Итаном компании я стану третьей лишней.

Вместо ответа, подруга таинственно улыбнулась и, поцеловав меня в лоб, прошептала:

– Я спать, дорогая!

– Но, Одри! – я жаждала информации.

– Доброй ночи, – пропела подруга, закрывая дверь в свою спальню.

И как это понимать? Прямо дом секретов какой-то.

– Что ж, Люсиль. Надеюсь, хотя бы у тебя нет тайн?

Кошка гипнотизировала меня взглядом. Пока окончательно с ума не сошла, лучше спать лягу. Теперь мне нужно больше отдыхать. Если внутри меня человечонок, то точно нужно.

Работа с самого утра не задалась. Цифры в отчетах водили хороводы, буквы на экране монитора играли в прятки, а подчиненные пели мне детские песни. Во всяком случае, так казалось моему перевозбужденному воображению, которое никак не может получить однозначный ответ на терзающий меня вопрос. Вчера, когда смотрела на тест, все казалось каким-то далеким от реальности. Несущественным. Даже можно сказать шуточным. А сейчас, здесь, сидя на работе в кресле, я только и думаю, да или нет? Ловлю себя на мысли, что то и дело накрываю ладонью живот. Вот смешно будет, если он пустой...

– Кэссиди, – я обратилась к личной помощнице по внутренней связи.

– Да, мисс Уэйнрайт.

Просить или не просить? Да. Буду смелой. Я должна знать!

– Запиши меня к доктору Ризерстоун. Если есть запись, то на сегодня. Если нет – то на любое ближайшее время. Скажи, что это срочно.

– Надеюсь, вы здоровы, мисс?

– Просто выполняй, хорошо?

Положила трубку и разве что не грызла ногти. Сама не смогу позвонить. Духу не хватает. Доктор Ризерстоун мой гинеколог. Пожилая добродушная женщина, которой я полностью доверяю вести дела своей вагины. Надеюсь, в этот раз, как и всегда, она сможет мне помочь.

Когда в кабинете появились мои подчиненные, я не сразу поняла, что им нужно, да еще и всем сразу. Оказалось, что сама же велела прийти в понедельник на планерку. Вместо того чтобы обогащать их своей мудростью и ставить задачи, я принялась спрашивать. По полной. Теперь могу понять, почему некоторые препода в универе зверствовали. Все из-за личных проблем и внутренних переживаний. Я не кричала, не делала выговоров, просто задавала неудобные вопросы. Судя по докладам, дела на фирме идут не так хорошо. Подчиненные попросту гоняют халяву, получая полную ставку за работу неполный рабочий день. Майк и Питерсон оплачивают им онлайн игры в Покер, «Шлепни меня» и походы по магазинам в рабочее время. Нужно будет исправить это недоразумение. Внимательно выслушав каждого, сделала себе пометки. Спросила по поводу ранее поставленных задач. Работники усердно сверлили взглядом пол, старались слиться с интерьером и внезапно заинтересовались живописью в моем кабинете.

– Мисс Уэйнрайт, – в кабинет вошла моя помощница. – Вас по первой линии. Миссис Эллингтон, – услышав знакомую фамилию, накрыла ладонью живот. Почему-то в голове промелькнула мысль «бабушка». Отгнав ее, попросила перезвонить позже, но... – Крайне настаивает.

– Хорошо, переводи, – я подняла трубку и, когда звонок был переведен, по привычке отчеканила холодным тоном. – Амелия Уэйнрайт, – слишком громко. Чтобы показать присутствующим свою силу. В этом бизнесе нельзя проявлять слабость.

– Здравствуй, Амелия, это Алисия. Знаю, сейчас ты важный занятой человек, но можешь уделить мне минутку времени? – голос женщины уставший и до боли печальный. У меня даже сердце защемило. Она всегда была добра ко мне, а сейчас ей приходится нелегко.

– Конечно, Алисия. Для вас у меня всегда найдется время, – я жестом показала подчиненным, чтобы покинули кабинет. Радостно вздохнув, они схватили папки и ретировались к выходу за каких-то несколько секунд. Не думала, что произвожу настолько устрашающее впечатление. Впрочем, приятно.

Могу себе представить, насколько тяжело сейчас Алисии, особенно учитывая, как опустил Генри и как их фамилия полощется в прессе. Слово грязные порты в проруби. И кто дает повод для сплетен? Подумать только – Генри Эллингтон, который за все время, что я работала в Тринити, ни разу не запятнал свою репутацию. Что с ним сделала Шарлин? Что я с ним сделала? Неужели любовь может сломать даже самого сильного мужчину?

На противоположном конце провода тяжело вздохнули.

– Наверное, ты видела газеты...

– Да. Мне больно читать подобные заметки.

Женщина замолчала. Я же не знала, что сказать и как вести себя с женщиной, которая, по сути, никем мне не приходится.

– Алисия?

– Мне требуется твоя помощь. Если ты откажешь, надежды для меня и моего мальчика не останется.

– Извините, но я не совсем представляю, чем могу помочь. Я не заставляю Генри браться на шлюх и нарушать закон, – не замечала раньше, что грызу ручку, когда волнуюсь.

– Ты любишь его?

Какой неожиданный вопрос. Тишина. Люблю ли я его? Да. Да, да, да и сотни раз да. Даже такого. Точнее, такого – еще сильней. Потому что теперь точно знаю – он не робот, а человек, который умеет чувствовать, но не умеет справляться с этими чувствами. Потому что мне хочется, словно фее крестной, спуститься с небес и спасти его. Видимо, это своего рода материнский инстинкт. Потребность каждой женщины быть нужной и помогать. Приласкать, пожалеть, приголубить. Но я понимаю, не по моей вине он хоронит себя заживо. Значит не я в силах вытащить его из этой бездны.

– Не понимаю, какое это имеет отношение...

– Амелия, умоляю. Будь честна перед собой, – она нервничала. – И передо мной. Как мать я должна знать, любишь ли ты моего сына.

Тишина и едва слышно:

– Да, миссис Эллингтон. Любила. Люблю. И, кажется, что даже на том свете буду любить. Но спасти его может только она... Не понимаю, куда она смотрит! – я со злостью отшвырнула ручку и накрыла глаза ладонью. Стерва. Ненавижу ее. Всеми фибрами своей души ненавижу. Женщина может помочь мужчине подняться с самого нуля, последнего хлюпика превратить в покорителя мира. А может напротив, сломать даже самую сильную личность, опустив на колени и погрузив головой в грязь. Вопреки представлениям мужчин, мы обладаем над ними абсолютной властью, и только от нас зависит направление ее приложения.

– Ты свободна сегодня? Мне очень нужно с тобой встретиться. Это вопрос жизни и смерти. Моей и всей нашей семьи. Мы можем потерять Тринити и все, что имеем. Помогите мне, Амелия. И я в долгу не останусь.

– Не знаю, Алисия. Я... у меня проекты и...

Смогу ли я увидеть ее и не разрыдаться? Не сорваться вновь?

– Была ли я добра к тебе и участлива, когда ты попала в мой дом?

– Вы манипулируете фактами и требуете сатисфакции, миссис Эллингтон? – я улыбнулась и вздернула бровь.

– Я в отчаянии, – и это было правдой.

– Хорошо. Тогда у меня в офисе. Скорее всего, я буду сегодня до десяти вечера, приходите после пяти. В это время у меня нет неотложных встреч. Но, Алисия, прошу, пусть Генри не будет знать о нашей встрече.

– Доброго дня, Амелия. Я знала, что у тебя доброе сердце.

Женщина выключила громкую связь и уставилась на сына. Мистер Эллингтон растерянно смотрел на свою мать.

– Ну что, – поднимаясь с кресла и смахивая несуществующие пылинки со своего идеально сидящего платья, улыбнулась женщина. – Теперь ты услышал это лично от нее. Амелия любит тебя. Несмотря ни на что. Невзирая на то, как ты волочишься за своей Шарлин. Невзирая на то, что не сегодня, так завтра фактически утратишь контроль над Тринити. Она любит тебя, а не твои деньги. И ты все еще затрудняешься с выбором?

Он потер виски и устало посмотрел на миссис Эллингтон.

– Если ты не возьмешь себя в руки, Генри, и все не исправишь – ты мне больше не сын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.